

Старик Потапов умер через месяц после того, как Татьяна Петровна поселилась у него в доме. Татьяна Петровна осталась одна с дочерью Варей и старухой нянькой.

Маленький дом - всего в три комнаты - стоял на горе, над северной рекой, на самом выезде из городка. За домом, за облетевшим садом, белела березовая роща. В ней с утра до сумерек кричали галки, носились тучами над голыми вершинами, накликали ненастье.

Татьяна Петровна долго не могла привыкнуть после Москвы к пустынному городку, к его домишкам, скрипучим калиткам, к глухим вечерам, когда было слышно, как потрескивает в керосиновой лампе огонь.

Какая я дура! - думала Татьяна Петровна. - Зачем уехала из Москвы, бросила театр, друзей! Надо было отвезти Варю к няньке в Пушкино - там не было никаких налетов, - а самой остаться в Москве. Боже мой, какая я дура!

Но возвращаться в Москву было уже нельзя. Татьяна Петровна решила выступать в лазаретах - их было несколько в городке - и успокоилась. Городок начал ей даже нравиться, особенно когда пришла зима и завалила его снегом. Дни стояли мягкие, серые.

Река долго не замерзала; от ее зеленой воды поднимался пар.

Татьяна Петровна привыкла и к городку и к чужому дому. Привыкла к расстроенному роялю, к пожелтевшим фотографиям на стенах, изображавшим неуклюжие броненосцы береговой обороны. Старик Потапов был в прошлом корабельным механиком. На его письменном столе с выцветшим зеленым сукном стояла модель крейсера "Громобой", на котором он плавал. Варе не позволяли трогать эту модель. И вообще не позволяли ничего трогать.

Татьяна Петровна знала, что у Потапова остался сын моряк, что он сейчас в Черноморском флоте. На столе рядом с моделью крейсера стояла его карточка. Иногда Татьяна Петровна брала ее, рассматривала и, нахмутив тонкие брови, задумывалась. Ей все казалось, что она где-то его встречала, но очень давно, еще до своего неудачного замужества. Но где? И когда?

Моряк смотрел на нее спокойными, чуть насмешливыми глазами, будто спрашивал: "Ну что ж? Неужели вы так и не припомните, где мы встречались?".

- Нет, не помню, - тихо отвечала Татьяна Петровна.

- Мама, с кем ты разговариваешь? - кричала из соседней комнаты Варя.

- С роялем, - смеялась в ответ Татьяна Петровна.

Среди зимы начали приходить письма на имя Потапова, написанные одной и той же рукой. Татьяна Петровна складывала их на письменном столе. Однажды ночью она проснулась. Снега тускло светили в окна. На диване всхрапывал серый кот Архип, оставшийся в наследство от Потапова.

O velho Potápov faleceu um mês depois de Tatiana Petrovna haver-se instalado na casa dele. Ela permaneceu ali, com a filha Vária¹ e a ama-seca.

A casa, de apenas três aposentos, ficava sobre um outeiro, sobranceira a um rio do norte, à saída de uma cidadezinha. Atrás dela, além do jardim desfolhado, branquejava um bosque de bétulas. Voando sobre os cimos nus das árvores, bandos de gralhas crocitavam da alvorada ao anoitecer, como se a chamarem o tempo chuvoso e sombrio.

Tatiana Petrovna, que era de Moscou, por longo tempo não conseguiu acostumar-se à cidadezinha deserta, às suas casinhas, aos portões rangentes e às noites silenciosas, quando se ouvia o crepitar do fogo na lamparina de querosene.

"Como fui tola! — pensava. — Por que parti, por que deixei o teatro, os amigos?! Devia ter levado Vária para a casa da ama, em Púchkino² — ali não ocorriam bombardeios —, mas eu própria devia ter ficado em Moscou. Como fui tola!"

Regressar, porém, era já impossível. Ela decidiu, então, apresentar-se nos muitos hospitais militares locais, e sossegou. Começou até a gostar do lugar, sobretudo quando chegou o inverno, cobrindo-o de neve. Os dias tornaram-se suaves, cinzentos. O rio demorou muito a gelar; da sua água verde emanava um véu de vapor.

Tatiana Petrovna habituou-se também à casa alheia. Habitou-se ao piano desafinado, às fotografias amareladas, de pesados encouraçados da defesa costeira, que ornavam as paredes. O velho Potápov fora mecânico de bordo. Sobre a sua escrivaninha, coberta de feltro verde desbotado, havia um modelo do cruzador Gromoboi, em que servira. Não permitiam a Vária tocá-lo. A bem dizer, não lhe permitiam tocar em nada.

Tatiana Petrovna sabia que Potápov deixara um filho, na frota do Mar Negro. Havia um retrato seu ao lado da réplica do navio. às vezes, ela o pegava, fitava-lhe os olhos e, com as finas sobrancelhas franzidas, perdia-se em pensamentos. Parecia-lhe sempre que já encontrara aquele jovem oficial, mas haviam muito tempo. Mas onde? Quando?

O marinheiro mirava-a com olhos serenos, um tanto zombeteiros, como se perguntasse: "Será que não consegue lembrar-se de onde nos encontramos?".

— Não, não me lembro — respondia ela, em voz baixa.

— Mãe, com quem falas? — gritava Vária do aposento contíguo.

— Com o piano — respondia ela e ria.

No inverno, começaram a chegar cartas para o falecido, sobrescritas sempre pela mesma mão. Tatiana Petrovna empilhava-as sobre a escrivaninha. Certa vez, despertou tarde da noite. A neve irradiava uma luz pálida dobre a vidraça. No sofá, ressonava Arkhip, o gato cinzento do antigo dono da casa.

Татьяна Петровна накинула халат, пошла в кабинет к Потапову, постояла у окна. С дерева беззвучно сорвалась птица, стряхнула снег. Он долго сыпал белой пылью, заперошил стекла.

Татьяна Петровна зажгла свечу на столе, села в кресло, долго смотрела на язычок огня, - он даже не вздрагивал. Потом она осторожно взяла одно из писем, распечатала и, оглянувшись, начала читать.

Милый мой старик, - читала Татьяна Петровна, - вот уже месяц, как я лежу в госпитале. Рана не очень тяжелая. И вообще она заживает. Ради бога, не волнуйся и не кури папиросу за папиросой. Умоляю!

Я часто вспоминаю тебя, папа, - читала дальше Татьяна Петровна, - и наш дом, и наш городок. Все это страшно далеко, как будто на краю света. Я закрываю глаза и тогда вижу: вот я отворяю калитку, вхожу в сад. Зима, снег, но дорожка к старой беседке над обрывом расчищена, а кусты сирени все в инее. В комнатах трещат печи. Пахнет березовым дымом. Рояль, наконец, настроен, и ты вставил в подсвечники витые желтые свечи - те, что я привез из Ленинграда. И те же ноты лежат на рояле: увертюра к "Пиковой даме" и романс "Для берегов отчизны дальней". Звонит ли колокольчик у дверей? Я так и не успел его починить. Неужели я все это увижу опять? Неужели опять буду умываться с дороги нашей колодезной водой из кувшина? Помнишь? Эх, если бы ты знал, как я полюбил все это отсюда, издали! Ты не удивляйся, но я говорю тебе совершенно серьезно: я вспоминал об этом в самые страшные минуты боя. Я знал, что защищаю не только всю страну, но и вот этот ее маленький и самый милый для меня уголок - и тебя, и наш сад, и вихрастых наших мальчишек, и березовые рощи за рекой, и даже кота Архипа. Пожалуйста, не смейся и не качай головой. Может быть, когда выпишусь из госпиталя, меня отпустят ненадолго домой. Не знаю. Но лучше не жди".

Татьяна Петровна долго сидела у стола, смотрела широко открытыми глазами за окно, где в густой синеве начинался рассвет, думала, что вот со дня на день может приехать с фронта в этот дом незнакомый человек и ему будет тяжело встретить здесь чужих людей и увидеть все совсем не таким, каким он хотел бы увидеть.

Утром Татьяна Петровна сказала Варе, чтобы она взяла деревянную лопату и расчистила дорожку к беседке над обрывом. Беседка была совсем ветхая. Деревянные колонки поседели, заросли лишаями. А сама Татьяна Петровна исправила колокольчик над дверью. На нем была отлита смешная надпись: "Я вишу у дверей - звони веселей!" Татьяна Петровна тронула колокольчик. Он зазвенел высоким голосом. Кот Архип недовольно задержал ушами, обиделся, ушел из прихожей - веселый звон колокольчика казался езду, очевидно, нахальным.

Ela vestiu o roupão, foi ao gabinete de Potákov e deixou-se ficar um momento de pá, junto à janela. Um pássaro despregou-se silenciosamente de uma árvore, sacudindo a neve do rampo. Ela caiu lentamente, fininha, e polvilhou os vidros.

Tatiana Petrovna acendeu uma vela sobre a mesa, sentou-se em uma poltrona e olhou longamente para a lingueta de fogo, que sequer estemecia. Depois, pegou uma das cartas, abriu o escrito e, após olhar para trás, para a porta, começou a ler.

"Meu querido velho, faz já um mês que estou no hospital. O ferimento não é muito grave. Até está já a cicatrizar. Por favor, não fiques preocupado e não fumes um cigarro atrás do outro. Eu te imploro!

Lembro-me de ti frequentemente, papai — continuou Tatiana Petrovna a ler —, e também de casa, da nossa cidadezinha. Tudo isso está terrivelmente longe, como se do outro lado do mundo. Fecho os olhos e, então, vejo-me abrir o portão, entrar no jardim. É inverno, há neve, mas está limpo o caminho do velho caramanchão da borda do barranco, e as moitas de lilás estão brancas de geada. Em casa, crepita o fogo do forno, e sente-se o cheiro do fumo de achas de bétula. O piano foi afinado, finalmente, e tu colocaste, nos castiçais, as velas amarelas torcidas, aquelas que eu trouxe de Leningrado. E, sobre o piano, estão as mesmas partituras: a abertura de A dama de espadas,³ a romança Para as margens da pátria longínqua...⁴ Funciona ainda a campainha da porta? Eu acabei não tendo tempo de consertá-la. Será que verei outra vez tudo isso? Será que outra vez me lavarei com um jarro de água do nosso poço, ao chegar de viagem? Lembras-te? Ah, se soubesses como passei a gostar disso tudo daqui de longe! Não te admires, eu falo com toda a seriedade: eu recordarei essas coisas nos momentos mais terríveis da guerra. Eu sabia que estava a defender não só o nosso país inteiro, senão também esse seu cantinho — o mais caro de todos a mim —, a ti, o nosso jardim, os nossos menininhos de topete, os bosques de bétulas do outro lado do rio e o gato Arkhip. Por favor, não rias, nem abanes com a cabeça.

Pode ser que, quando receber alta do hospital, me autorizem a passar alguns dias em casa. Não sei. Mas é melhor não esperares."

Tatiana Petrovna permaneceu longo tempo sentada junto à mesa, a olhar para fora, com os olhos muito abertos; no azul profundo, principiava o amanhecer. Pensava no desconhecido, que poderia chegar de um dia para o outro, e em quão penoso lhe seria encontrar pessoas estranhas na casa e ver tudo bem diferente do que desejava.

De manhã, mandou Vária pegar uma pá e limpar o caminho do caramanchão. Ele estava completamente vetusto. As suas colunas de madeira, cobertas de líquens, haviam ficado brancas. Ela própria consertou a sineta da porta, que tinha uma inscrição engraçada: "Junto à porta é o meu lugar — mais alegre fazei-me soar!". Ela tocou a sineta, e esta retiniu com som argentino. O gato Arkhip agitou as orelhas, irritado, ofendeu-se e saiu da antessala: o tilintar alegre, pelo visto, parecia-lhe insolente.

Днем Татьяна Петровна, румяная, шумная, с потемневшими от волнения глазами, привела из города старика настройщика, обрусевшего чеха, занимавшегося починкой примусов, керосинок, кукол, гармоник и настройкой роялей. Фамилия у настройщика была очень смешная: Невидаль. Чех, настроив рояль, сказал, что рояль старый, но очень хороший. Татьяна Петровна и без него это знала.

Когда он ушел, Татьяна Петровна осторожно заглянула во все ящики письменного стола и нашла пачку витых толстых свечей. Она вставила их в подсвечники на рояле. Вечером она зажгла свечи, села к роялю, и дом наполнился звоном.

Когда Татьяна Петровна перестала играть и погасила свечи, в комнатах пахло сладким дымом, как бывает на елке.

Варя не выдержала.

- Зачем ты трогаешь чужие вещи? - сказала она Татьяне Петровне. - Мне не позволяешь, а сама трогаешь. И колокольчик, и свечи, и рояль - все трогаешь. И чужие ноты на рояль положила.

- Потому что я взрослая, - ответила Татьяна Петровна.

Варя, насупившись, недоверчиво взглянула на нее. Сейчас Татьяна Петровна меньше всего походила на взрослую. Она вся как будто светила и была больше похожа на ту девушку с золотыми волосами, которая потеряла хрустальную туфлю во дворце. Об этой девушке Татьяна Петровна сама рассказывала Варе.

Еще в поезде лейтенант Николай Потапов высчитал, что у отца ему придется пробыть не больше суток. Отпуск был очень короткий, и дорога отнимала все время.

Поезд пришел в городок днем. Тут же, на вокзале, от знакомого начальника станции лейтенант узнал, что отец его умер месяц назад и что в их доме поселилась с дочерью молодая певица из Москвы.

- Эвакуированная, - сказал начальник станции. Потапов молчал, смотрел за окно, где бежали с чайниками пассажиры в ватниках, в валенках. Голова у него кружилась.

- Да, - сказал начальник станции, - хорошей души был человек. Так и не довелось ему повидать сына.

- Когда обратный поезд э - спросил Потапов.

- Ночью, в пять часов, - ответил начальник станции, помолчал, потом добавил: - Вы у меня перебудьте. Старуха моя вас напоит чайком, накормит. Домой вам идти незачем.

- Спасибо, - ответил Потапов и вышел.

Начальник посмотрел ему вслед, покачал головой.

À tarde, com os olhos escurecidos pela comoção, Tatiana Petrovna trouxe um tcheco russificado, que consertava fogareiros a querosene, bonecas e harmônicas e afinava pianos. O seu sobrenome era muito cômico: Niévidal.⁵ Ao terminar o serviço, ele disse que o piano era antigo, mas muito bom. Tatiana Petrovna já bem o sabia.

Quando o velho se foi, ela deu uma espiadela discreta em todas as gavetas da escrivaninha e encontrou um maço de grossas velas torcidas. Colocou-as no castiçal, sobre o piano. À noite, acendeu-as, sentou-se ao teclado, e a casa encheu-se de acordes.

Quando cessou de tocar e apagou as velas, nos aposentos, sentiu-se um cheiro adocicado de fumaça, como o exalado por um pinheirinho na festa de Ano-Novo.

Vária não se conteve.

— Por que mexes nas coisas dos outros? Se eu não posso, tu não podes! A sineta, as velas, o piano, mexes em tudo. E também colocaste partituras dos outros sobre o piano.

— Porque eu sou adulta — respondeu-lhe a mãe.

A menina olhou para ela, desconfiada e de cenho franzido. Naquele momento, Tatiana Petrovna parecia tudo, menos uma pessoa adulta. Ela como que resplandecia, e lembrava a moça de cabelos dourados que perdera um sapatinho de cristal em um palácio. Ela própria contara a história dessa moça a Vária.

Ainda no trem, o tenente Potápov calculou que não poderia passar mais de um dia em casa. A licença era muito breve, e a viagem tomaria quase todo o tempo.

Desembarcou na cidadezinha à tarde. Ainda na estação, soube que o pai morrera um mês antes e que a casa estava ocupada por uma cantora de Moscou, com a filha.

— Uma refugiada — disse-lhe o chefe da estação.

Potápov mantinha-se calado e olhava para a janela; alguns passageiros, de roupas acolchoadas e botas de feltro, corriam com chaleiras, em busca de água para o chá. Ele sentia tontura.

— O seu pai era um homem de bom coração. É pena que ele não tenha podido revê-lo.

— Quando passará o trem de volta?

— Às cinco da manhã — respondeu o chefe e, após um momento de silêncio, acrescentou: — Até lá, fique em minha casa. A minha velha lhe fará um chá e dará algo de comer. Não tem por que ir à sua.

— Obrigado — respondeu Potápov e saiu.

O outro seguiu-o um instante com os olhos e abanou com a cabeça.

Потапов прошел через город, к реке. Над ней висело сизое небо. Между небом и землей наискось летел редкий снежок. По унавоженной дороге ходили галки. Темнело. Ветер дул с того берега, из лесов, выдувал из глаз слезы.

"Ну что ж! - сказал Потапов - Опоздал. И теперь это все для меня будто чужое - и городок этот, и река, и дом".

Он оглянулся, посмотрел на обрыв за городом. Там стоял в инее сад, темнел дом. Из трубы его поднимался дым. Ветер уносил дым в березовую рощу.

Потапов медленно пошел в сторону дома. Он решил в дом не заходить, а только пройти мимо, быть может заглянуть в сад, постоять в старой беседке. Мысль о том, что в отцовском доме живут чужие, равнодушные люди, была невыносима. Лучше ничего не видеть, не растревать себе сердце, уехать и забыть о прошлом!

"Ну что же, - подумал Потапов, - с каждым днем делаешься взрослее, все строже смотришь вокруг".

Потапов подошел к дому в сумерки. Он осторожно открыл калитку, но все же она скрипнула. Сад как бы вздрогнул. С веток сорвался снег, зашуршал. Потапов оглянулся. К беседке вела расчищенная в снегу дорожка. Потапов прошел в беседку, положил руки на старенькие перила. Вдали, за лесом, мутно розовело небо - должно быть, за облаками подымалась луна. Потапов снял фуражку, провел рукой по волосам. Было очень тихо, только внизу, под горой, бренчали пустыми ведрами женщины - шли к проруби за водой.

Потапов облокотился о перила, тихо сказал:

- Как же это так?

Кто-то осторожно тронул Потапова за плечо. Он` оглянулся. Позади него стояла молодая женщина с бледным строгим лицом, в накинутом на голову теплом платке. Она молча смотрела на Потапова темными внимательными глазами. На ее ресницах и щеках таял снег, осыпавшийся, должно быть, с веток.

- Наденьте фуражку, - тихо сказала женщина, - вы простудитесь. И пойдемте в дом. Не надо здесь стоять.

Потапов молчал. Женщина взяла его за рукав и повела по расчищенной дорожке. Около крыльца Потапов остановился. Судорога сжала ему горло, он не мог вдохнуть. Женщина так же тихо сказала:

- Это ничего. И вы, пожалуйста, меня не стесняйтесь. Сейчас это пройдет.

Она постучала ногами, чтобы сбить снег с ботишков. Тотчас в сениях отозвался, зазвенел колокольчик. Потапов глубоко вздохнул, перевел дыхание.

"Pois então! — pensou ele. — Cheguei tarde. E agora é como se tudo isto fosse estranho para mim: esta cidadezinha, o rio, a casa." Voltou-se, olhou para o outeiro, ao fundo da cidade. Ali, avistava-se o jardim, coberto de escarcha, e negrejava a casa. Um rolo de fumo subia da chaminé. O vento levava-o para o bosque de bétulas.

Potápov seguiu lentamente naquela direção. Estava decidido a não entrar em casa, mas apenas passar em frente dela, talvez dar uma olhadela ao jardim e ficar um momento no velho caramanchão. O pensamento de que ali se encontravam pessoas estranhas, indiferentes, era-lhe insuportável. Seria melhor não ver nada, não exacerbar a dor do coração, partir, não ver nada!

"Pois é — pensou —, a cada dia amadurecemos mais e olhamos em redor com mais gravidade."

Aproximou-se da casa no crepúsculo. Abriu o portão com cuidado, mas este, ainda assim, rangeu. O jardim como que estremeceu. Uma porção de neve desprendeuse dos ramos e farfalhou. Potápov olhou em torno de si. Um caminho aberto a pá na neve levava ao caramanchão. Foi para lá e pôcou as mão sobre a velha balaustrada. Ao longe, além da floresta, o céu tingia-se de turvo arrebol: era a Lua, provavelmente, que se alçava atrás das nuvens. Potápov tirou o quepe, passou as mãos pelos cabelos. Reinava grande quietude; apenas embaixo, ao pé do barranco, algumas mulheres faziam tinir os baldes vazios, indo buscar água a um buraco aberto na crosta gelada do rio.

Ele apoiou os cotovelos na balaustrada e disse baixinho:

"Como Pôde ser isto?"

Alguém tocou-lhe delicadamente o ombro. Ele se voltou. Era uma mulher jovem, de rosto pálido e grave, com um xale de lã sobre a cabeça. Ela o mirava em silêncio, com os olhos escuros atentos. Nos seus cílios e faces, derretia-se um negalho de neve, decerto caído dos ramos.

— Ponha o quepe — disse ela, em voz baixa —, senão poderá constipar-se. Vamos para dentro. Não precisa ficar aqui fora.

Potápov não disse nada. Ela o segurou pela manga do capote e conduziu-o. Ao chegarem ao alpendre, ele parou. Um espasmo apertava-lhe a garganta, fazendo-o respirar com dificuldade. Ela disse, em voz baixa, como antes:

— Isso não é nada. E, por favor, não se acanhe. Isso passará logo.

Ela bateu os pés para sacudir a neve das galochas. No mesmo instante, como em resposta, ressoou a sineta da porta. Potápov respirou fundo e tomou alento.

Он вошел в дом, что-то смущенно бормоча, снял в прихожей шинель, почувствовал слабый запах березового дыма и увидел Архипа. Архип сидел на диване и зевал. Около дивана стояла девочка с косичками и радостными глазами смотрела на Потапова, но не на его лицо, а на золотые нашивки на рукаве.

- Пойдемте! - сказала Татьяна Петровна и провела Потапова в кухню.

Там в кувшине стояла холодная колодезная вода, висело знакомое льняное полотенце с вышитыми дубовыми листьями.

Татьяна Петровна вышла. Девочка принесла Потапову мыло и смотрела, как он мылся, сняв китель. Смущение Потапова еще не прошло.

- Кто же твоя мама? - спросил он девочку и покраснел.

Вопрос этот он задал, лишь бы что-нибудь спросить.

- Она думает, что она взрослая, - таинственно прошептала девочка. - А она совсем не взрослая. Она хуже девочка, чем я.

- Почему? - спросил Потапов.

Но девочка не ответила, засмеялась и выбежала из кухни.

Потапов весь вечер не мог избавиться от странного ощущения, будто он живет в легком, но очень прочном сне. Все в доме было таким, каким он хотел его видеть. Те же ноты лежали на рояле, те же витые свечи горели, потрескивая, и освещали маленький отцовский кабинет. Даже на столе лежали его письма из госпиталя - лежали под тем же старым компасом, под который отец всегда клал письма.

После чая Татьяна Петровна провела Потапова на могилу отца, за рощу. Туманная луна поднялась уже высоко. В ее свете слабо светились березы, бросали на снег легкие тени.

А потом, поздним вечером, Татьяна Петровна, сидя у рояля и осторожно перебирая клавиши, обернулась к Потапову и сказала:

- Мне все кажется, что где-то я уже видела вас.

- Да, пожалуй, - ответил Потапов.

Он посмотрел на нее. Свет свечей падал сбоку, освещал половину ее лица. Потапов встал, прошел по комнате из угла в угол, остановился.

- Нет, не могу припомнить, - сказал он глухим голосом.

Татьяна Петровна обернулась, испуганно посмотрела на Потапова, но ничего не ответила.

Потапову постелили в кабинете на диване, но он не мог уснуть. Каждая минута в этом доме казалась ему драгоценной, и он не хотел терять ее.

Он лежал, прислушивался к воровским шагам Архипа, к дребезжанию часов, к шепоту Татьяны Петровны, - она о чем-то говорила с нянькой за закрытой дверью. Потом голоса затихли, нянька ушла, но полоска света под дверью не погасла. Потапов слышал, как шелестят страницы, - Татьяна Петровна, должно быть, читала. Потапов догадывался: она не ложится, чтобы разбудить его к поезду. Ему хотелось сказать ей, что он тоже не спит, но он не решился окликнуть Татьяну Петровну.

Entrou perturbado, a murmurar qualquer coisa, tirou o capote na antessala, sentiu o cheiro suave do fumo de achas de bétula e viu Arkhip. O gato estava sentado no sofá e bocejava. De pé, ao seu lado, uma menina alegre olhava para Potápov, não para o seu rosto, mas para os galões dourados da manga da túnica.

— Vamos! — disse Tatiana Petrovna e levou-o para a cozinha.

Ali, havia água fria do poço em um jarro e, pendurada ao seu lado, uma toalha de linho, bordada de folhas de carvalho, que Potápov imediatamente reconheceu.

Tatiana Petrovna saiu. A menina trouxe sabonete ficou a olhar para Potápov; ele tirou a túnica e começou a lavar-se. A sua perturbação ainda não passara.

— Quem é a tua mamãe? — perguntou e corou.

Fez a pergunta apenas para dizer alguma coisa.

— Ela pensa que é adulta — murmurou-lhe Vária, em tom de segredo. — Mas não é adulta nem um pouquinho. Ela é uma menina pior do que eu.

— Por quê?

Vária, porém, não lhe respondeu; riu e saiu correndo da cozinha.

O tempo todo, Potápov não conseguiu livrar-se da estranha sensação de estar a viver um sonho leve, mas muito consistente. Todas as coisas estavam como queria vê-las. As mesmas partituras repousavam sobre o piano, as mesmas velas retorcidas estavam cegas, a estalejar, e iluminavam o pequeno gabinete do pai. Até as suas missivas do hospital estavam sobre a escrivaninha, sob a mesma velha bússola, debaixo da qual o pai costumava colocar cartas.

Após o chá, Tatiana Petrovna levou-o ao cemitério, além do bosque de bétulas. A lua já ia alta, enevoada. À sua luz, as árvores brilhavam, deitando tênues sombras sobre a neve.

Depois, tarde da noite, ela, sentada ao piano, a correr suavemente os dedos pelo teclado, voltou-se para Potápov e disse:

— Tenho sempre a impressão de que já o vi em algum lugar.

— Pode ser.

Olhou para ela. A luz das velas incidia nela de lado, iluminando-lhe metade do rosto. Ela se levantou, percorreu o aposento de uma extremidade à outra e parou.

— Não, não consigo lembrar-me — disse, com voz surda.

Ela se voltou, olhou assustada para ele, mas não lhe disse nada.

Potápov foi acomodado no gabinete do pai, mas não conseguiu adormecer. Cada minuto, ali, parecia-lhe precioso, e ele não queria perdê-lo.

Deitado, escutava os passos furtivos de Arkhip, o tinido da pêndula, o cochichar de Tatiana Petrovna com a ama. Depois, as vozes calaram-se, e a velha recolheu-se, mas, sob a porta, não se extinguiu a réstia de luz. Ouvia-se um farfalhar de páginas — Tatiana Petrovna lia. Ele compreendeu, então, que ela não se deitara para poder acordá-lo. Sentiu vontade de dizer-lhe que também não dormia, mas não se decidiu a chamá-la.

В четыре часа Татьяна Петровна тихо открыла дверь и позвала Потапова. Он зашевелился.

- Пора, вам надо вставать, - сказала она. - Очень жалко мне вас будить!

Татьяна Петровна проводила Потапова на станцию через ночной город. После второго звонка они попрощались. Татьяна Петровна протянула Потапову обе руки, сказала

- Пишите. Мы теперь как родственники. Правда? Потапов ничего не ответил, только кивнул головой. Через несколько дней Татьяна Петровна получила от Потапова письмо с дороги.

"Я вспомнил, конечно, где мы встречались, - писал Потапов, - но не хотел говорить вам об этом там, дома. Помните Крым в двадцать седьмом году Осень. Старые платаны в Ливадийском парке. Меркнувшее небо, бледное море. Я шел по тропе в Ореанду. На скамейке около тропы сидела девушка. Ей было, должно быть, лет шестнадцать. Она увидела меня, встала и пошла навстречу. Когда мы поравнялись, я взглянул на нее. Она прошла мимо меня быстро, легко, держа в руке раскрытую книгу. Я остановился, долго смотрел ей вслед. Этой девушкой были вы. Я не мог ошибиться. Я смотрел вам вслед и почувствовал тогда, что мимо меня прошла женщина, которая могла бы и разрушить всю мою жизнь и дать мне огромное счастье. Я понял, что могу полюбить эту женщину до полного отречения от себя. Тогда я уже знал, что должен найти вас, чего бы это ни стоило. Так я думал тогда, но все же не двинулся с места. Почему - не знаю. С тех пор я полюбил Крым и эту тропу, где я видел вас только мгновение и потерял навсегда. Но жизнь оказалась милостивой ко мне, я встретил вас. И если все окончится хорошо и вам понадобится моя жизнь, она, конечно, будет ваша. Да, я нашел на столе у отца свое распечатанное письмо. Я понял все и могу только благодарить вас издали".

Татьяна Петровна отложила письмо, туманными глазами посмотрела на снежный сад за окном, сказала.

- Боже мой, я никогда не была в Крыму! Никогда! Но разве теперь это может иметь хоть какое-нибудь значение. И стоит ли разуверять его? И себя!

Она засмеялась, закрыла глаза ладонью. За окном горел, никак не мог погаснуть неяркий закат.

Às quatro horas, ela abriu silenciosamente a porta e chamou-o. Ele se mexeu sobre o sofá.

— É hora de levantar-se. Sinto muito ter de acordá-lo!

Ela o acompanhou à estação, pela cidadezinha noturna. Despediram-se após o segundo sinal da sineta. Ela lhe estendeu ambas as mãos e disse-lhe:

— Escreva. Nós somos quase parentes, agora. Não é verdade?

Ele não respondeu, apenas acenou com a cabeça.

Dias depois, Tatiana Petrovna recebeu uma carta de Potápov, escrita ainda no trem.

"Eu me lembrei, claro, do lugar onde nós nos encontramos — escrevia ele —, mas não quis falar-lhe sobre isso aí em casa. Recorda-se da Crimeia, em 1927? Era outono. Os plátanos do parque de Livádia. O céu cada vez mais escuro, o mar pálido. Eu seguia pelo caminho de Oreanda. À beira dele, em um banco, estava sentada uma moça. Ela devia ter uns dezesseis anos. Quando me viu, levantou-se e veio na minha direção. Quando perpassava por mim, olhei para ela. Passou por mim rapidamente, a passo leve, com um livro aberto em uma das mãos. Parei e segui-a longamente com o olhar. Era a senhora. Não posso estar enganado. Eu olhava para ela e senti, então, que junto de mim passara a mulher que tanto poderia destruir a minha vida, como dar-me uma felicidade imensa. Compreendi que poderia amar aquela mulher ao ponto da completa renúncia a mim próprio. Já então eu sabia que deveria encontrá-la, custasse isso o que custasse. Assim, pensava eu então, mas não dei nenhum passo para isso. Por quê, eu não sei. Desde então, passei a amar a Crimeia e aquele sendeiro em que a vi por um só instante e a perderei para sempre. Mas a vida foi generosa comigo, eu a reencontrei. E, se tudo acabar bem e a minha vida lhe for necessária, ela, por certo, será sua. Ah, sim, eu achei aberta, sobre a mesa do meu pai, uma das minhas cartas. Eu percebi tudo e posso apenas agradecer-lhe de longe."

Tatiana Petrovna pôs de parte a carta, olhou pela janela, com os olhos marejados, para o jardim coberto de neve e disse:

— Ora, pois, eu nunca estive na Crimeia! Nunca! Mas pode isso, agora, ter importância? E há razão para desenganá-lo? E também a mim!

Ela sorriu, fechou os olhos com a palma da mão. Além da janela, ardia, sem conseguir apagar-se, um pálido Sol poente.